

Наука и юриспруденция в эпистемологии Стивена Тулмина

Научный руководитель – Дидикин Антон Борисович

Рааб Руслан

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Москва, Россия

E-mail: belchikroma@gmail.com

Сложно спорить с тем, что ключевую роль в философии права играют мыслители, создающие специализированные философско-правовые тексты. Однако среди выдающихся мыслителей XX есть авторы, которые хоть и не написали специальных работ о праве, но при этом высказали интересные идеи касательно некоторых особо острых вопросов философии права. И одним из таких авторов является британский философ и историк науки Стивен Эделстон Тулмин (1922-2009).

Можно привести немало любопытных рассуждений Тулмина о праве. Взять хотя бы его идею об отсутствии реальной необходимости поиска некоего «совершенного» понятия права. Согласно Тулмину, такой поиск зачастую не является научно продуктивным, а главным критерием для отличия, например, физики от не-физики, или же права от не-права, является особое «чутье специалистов»[1], к числу которых относятся и юристы. Это чутье гораздо тоньше любых определений, а значит столь часто упоминаемый упрек И. Канта, согласно которому «юристы до сих пор не могут определить свой предмет», ничуть не унижает правовую науку.

Более того, сам процесс научного познания описывается Тулмином в юридических категориях. Утверждается, что основа науки - научные понятия - являются ничем иным, как интеллектуальными *микро-институтами*[1]. Эти институты гораздо ближе к правовым институтам, нежели к «платоновским концептам» излишне идеализированной «настоящей науки», а пользование такими понятиями уподобляется использованию субъективных прав[1]. Даже в физике любое научное понятие, будучи своего рода институтом, возникает и развивается так же, как и правовые институты прецедентного права. Подобно тому, как сфера действия прецедента может сужаться или расширяться в процессе его применения к новым делам, научное понятие в теории Тулмина представляет собой некоторого рода «прецедент», область которого также может изменяться по мере эволюции науки[1]. Эволюцию научных понятий Тулмин уподобляет эволюции прецедентного права через «легкие» и «сложные» дела. Утверждается, что в науке тоже есть своего рода «рутинные» ситуации, и ситуации нетипичные, сопряженные с неясностью. В случае неясности ученые приводят свои интерпретации, и, подобно юристам, защищают свою позицию ссылаясь на «научные прецеденты»[1], даже если речь идет о квантовой физике(!).

При этом Тулмин проводит линию сравнения между двумя типами аргументации в науке: 1) основанной на кодифицированных систематизациях; 2) основанной на прецедентах и историческом опыте решения задач. Сложно не увидеть в этом параллель между романо-германской и англосаксонской правовыми семьями, которую приводит и сам автор[3]. При этом он склоняется к тому, что многие споры ученых, основанные на кодификационном «мифе системности», зачастую заводят науку в тупик. Единственным способом выйти из научного тупика является обращение к научным прецедентами и отказ от полной формально-логической систематизации науки. Вслед за этим Тулмин утверждает, что логика не может полностью упорядочить науку, основывая этот вывод на идеях философии постпозитивизма[1]. Передача научного знания происходит через практику, а не через

«кодексы», что в очередной раз подчеркивает эпистемическое несовершенство слишком закодифицированного знания, в том числе и правового.

Автор отмечает, что каждая сфера опыта обладает своей *автономной рациональностью*[3]. Это касается и юриспруденции, которая при таком положении дел получает самостоятельный методологический статус среди иных наук. Такой подход позволяет пролить свет на одну из острейших проблем методологии права - проблему собственных методов юридической науки. Тулмин бы сказал, что даже если мы не можем артикулировать метод юриспруденции, это не значит, что его нет. По его мнению, метод не только права, но и иных наук, не может быть полностью выявлен, а значит упрекать юристов за отсутствие метода было бы несколько несправедливым. Свое слово Тулмин сказал и по поводу известной проблемы разделения фактов и ценностей, столь важной для юридического позитивизма. По его мнению, которое во многом совпадает с позицией теоретика права Л. Фуллера, полностью отделить факты от ценностей в человеческом познании невозможно[1]. Это значит, что один из ключевых тезисов теории юридического позитивизма ставится под сомнение в научном постпозитивизме (пусть и не совсем юридическом).

Еще одна очень необычная серия философско-правовых импликаций теории Тулмина чем-то даже напоминает некоторые идеи исторической школы права Ф. фон Савиньи. Уподобив научное понятие правовому институту, Тулмин пишет, что для возникновения научного понятия-института необходимо своеобразное «созревание» научной культурной почвы[1], подобно тому, как в теории Савиньи понятийная кодификация немецкого права не могла произойти раньше момента соответствующего «дозревания» немецкого юридического мышления[2]. Органическое осмысление права Тулмином проявляется также в его метафоре «наследственной связи» правовых норм[1], когда *логически невыводимая* из существующего права норма как бы *функционально* «наследует» существующей правовой системе, и из этой функциональности черпает свой юридический смысл.

Впрочем, в случае Тулмина важны не только его идеи, но и те теоретические импликации, который юристы могут вывести из его философии науки. Ведь параллельно с юридикацией науки теория Тулмина приводит к *эпистемологизации юриспруденции*. Это значит, что не только право становится образцом для теории познания, но и теория познания превращается в один из способов оценить право с точки зрения его эпистемической продуктивности. Подобно тому, как Тулмин описывает научную неэффективность «тиранических» моделей научного сообщества[1], мы можем описать эпистемическую неэффективность некоторых правовых систем, где правовые идеи отдельных судей и юристов не получают возможность пройти «постпозитивистскую» процедуру критики и интеграции в правовую систему в ходе их публичного обсуждения применительно к конкретным случаям. И если говорить о существующих сегодня системах права, то с позиции теории Тулмина некоторое эпистемическое преимущество (по ряду аспектов) было бы признано скорее за прецедентным правом типа *common law*, нежели за полностью кодифицированным правом. Такой подход определенно бросает вызов современным стереотипам об эффективности исторических типов права, а фундаментальная методология Стивена Тулмина заставляет серьезно отнестись к этим научным выводам и теоретическим импликациям.

Источники и литература

- 1) Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.
- 2) Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Система современного римского права. Т.1. М., 2011.
- 3) Toulmin S. Return to Reason. Harvard University Press, 2001.